

Г.С. Любин

ДЕНЬ ПЕРЕВИВКИ

16+

Геннадий Семенович Любин

День перевивки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42649759

SelfPub; 2019

Аннотация

«Рак – рок всякого, отдавшегося жгучему, желчному, обиженному, подавленному состоянию». Эти слова Александра Исаевича Солженицына – лучшее определение страшному недугу. Оно же содержит и спасительный рецепт – как ему противостоять, не поддаться и выжить. Его интуитивно ощущает все живое вокруг нас. Ощущает – и подсказывает нам, людям. Остается лишь взглядеться повнимательнее. Смотрящий да узрит...

Памяти Фазиля Искандера посвящается

1

Мышонок был последыш. Старуха-мышь отчаянным усилием увядающей плоти выдавила его, наконец, из измученного родами чрева и затихла: то ли обессилела, то ли умерла.

К положенному сроку он не дотянул до весовой нормы – наверно, сломалось что-то в организме, – и его отсадили к нестандарту. Чтобы мыши-переростки не поели недорослей, их держали в разных клетках. Впрочем, судьба тех и других была одинаковой: раз в месяц их отдавали в зоопарк на съедение питону.

Разумеется, бесплатно.

2

Утром виварий, по обыкновению, открывала толстуха Ольга. Облачившись в толстый синий халат и сунув отекившие ноги в растоптанные шлепанцы, она привычно принималась за уборку.

Первыми чистились мышиные комнаты. Ольга снимала клетку за клеткой со стеллажей и, ловко подхватывая зверьков за хвостики, перекидывала их в большой пластмассовый таз. Пропахшие мочой, грязные с ночи клетки она складывала возле ржавой раковины.

Разбуженные включенным светом и Ольгиной возней, мыши из дальних от мойки стеллажей быстро просыпались, блаженно потягивались и принимались за утренний туалет, энергично вычесываясь и потирая розоватыми лапками ост-

роконечные мордашки. Ольгино появление означало, что день будет как всегда, а значит – не хуже, чем вчера, и это вселяло уверенность и оптимизм.

Строго говоря, Ольга не была штатной уборщицей. Много лет назад после университета ее – краснодипломницу – распределили в фармлабораторию академического института. В ту пору она была молода и вполне ничего собой. Хотя Базедова болезнь уже вовсю хозяйничала в ее теле, признаки недуга угадывались только по заторможенности реакции на происходящее и недостатку живости ума. Однако именно это и раздражало сотрудников – все-таки НИИ! – и, стараясь отделаться, ее передавали «с рук на руки», пока не осталось ни одного человека, согласного взять ее в помощницы. Замайчило профнепригодностью и увольнением.

Готовясь к худшему, Ольга вошла в назначенный час к заведующему лабораторией. Удовлетворенно прихлебывая утренний – самый вкусный – кофе и смакуя каждый глоток дымящегося напитка, профессор как раз обсуждал с женой по телефону список приглашенных на предстоящий юбилей – свое 65-летие. Гостей ожидалось изрядно, и все немалого ранга. Профессор пребывал в зените профессионального признания, которое так импозантно, вопреки (а может, благодаря) возрасту, дополнялось преуспеянием телесно-физическим. Худощаво-подтянутый, не по-стариковски статный и широкоплечий, он все еще привлекал вороватые женские взоры.

По природе человек незлой, профессор ненавидел принимать решения, которые приносили огорчения в жизнь других людей. Не столько из-за любви к ближним и дальним, сколько из благоволения себе: каждое подобное решение грозило уродливо исказить зеркальную гладь внутреннего равновесия. “Leben und leben lassen” – «Живи и давай жить» – этот девиз, прочитанный им когда-то на гербе славного города Вена, вполне соответствовал его мироощущению.

Глядя на эту неопрятно-рыхлую молодую женщину с отеками на лице и круглыми, на выкате, глазами, профессор поймал себя на мысли, что испытывает нечто вроде неудобства, неловкости за свое столь изобильное благополучие. Эта неловкость еще более усиливала раздражение по поводу очевидной необходимости предстоящего увольнения.

Вдруг спасительная мысль озарила его.

– Тут вот какое дело, дорогуша. Поскольку в лаборатории вам работы нет, я направляю вас в виварий. Оформим вас на должность... -

Он на мгновение задумался, вспомнив о ее высшем образовании.

– ... инженера по разведению животных. Надеюсь, вы согласны.

– Да... – только и могла промолвить ошалевшая от столь удачного исхода Ольга.

Не вполне еще переварившая произошедшее, она, как

сомнамбула, забрела в комнату для сотрудников и поведала им о беседе с профессором. Закончив рассказ, Ольга озадаченно промолвила:

– Вот только не знаю: инженер по разведению – это что делать-то надо?..

– Известно, что: мышей трахать! – сострил кто-то из присутствовавших, и вся комната грохнула от смеха.

Так решилась Ольгина судьба.

Животные, между тем, оказались созданиями незлобными и безответными. Разводить их нужды не было: как и люди, они и сами плодились отменно при условии сытости и доброго здоровья. А вот что было действительно нужно – так это за ними прибираться. Постепенно Ольга привыкла и к синему халату, и к запаху сена и испражнений, и к нехитрым обязанностям уборщицы. О высшем образовании и университетском дипломе понемногу все забыли, и жизнь ее потекла из года в год, растворившись в размеренных буднях вивария.

Сегодня Ольга была в настроении – день зарплаты – и щедро бросила на решетку нестандарта два черствых батонных ломтя вместо положенного одного. «Жри, заморыш», – ласково пробормотала толстуха. Мышонок встал на задние лапки и, сноровисто протащив батон сквозь металлические прутья, с аппетитом захрустел...

– Почему вчера не вынесла мусор? – высокий, до фальце-

та, голос разорвал привычную тишину, заставив Мышонка на мгновение замереть и перестать жевать. Голос принадлежал Зинаиде – заввиарием и Ольгиной начальнице.

– Уберу позже, еще не полный бак! – огрызнулась Ольга, и снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием сухих хлебных крошек, разгрызаемых тысячами зубов.

3

Эта совершенно особая звуковая палитра тишины вивария стала первым впечатлением Зинаиды, переступившей порог этого подземелья много лет назад. Незадолго до того после чересчур долгого запоя уволили пару уборщиц – «лаборантов по уходу за животными», как метафизически туманно позиционировалась эта работа в трудовых книжках. Тогдашняя заввиарием написала от руки с десятков объявлений «Требуется...», расклеив их на остановочных столбах вокруг института. После этого и появилась Зинаида – молчаливая, исполнительная, работающая.

Природа наделила ее совершенно невыразительным лицом, обрамленных куцым венчиком выбеленных перекисью волос. Эта явная недоработка генетики, словно в оправдание, с избытком компенсировалась эффектной фигурой: девически тонкая талия плавно переходила в крутые детородные бедра, и так волнительно там все играло, перекатывалось и переливалось, что хотелось смотреть и смотреть.

Оказалось, что Зинаида не местная, а переехала к родственникам из украинской глубинки, где уже успела выйти

замуж, родить ребенка и развестись.

Следовало отдать должное ее находчивости: заручившись институтской справкой о принадлежности к обслуге мира животных, она без экзаменов поступила в ветеринарный колледж. К моменту получения диплома старую заведующую виварием отправили на пенсию, и Зинаиде предложили это место. Не заставив себя долго уговаривать, она быстро вошла во вкус и курс дела: лично перезнакомилась с поставщиками (батоны, творог, зерно, комбикорм), подружилась с бухгалтерией, поставила на место алкоголичек-уборщиц.

Более всего Зинаиде нравилась и удавалась представительская часть ее обязанностей. В середине дня, ближе к обеду, она подкрашивала иссиня-бледные губы, становилась на каблучки и, покачивая бедрами, поднималась из пропахшего мышами подвального бункера на второй этаж в бухгалтерию. Сотрудницы бухгалтерии – простые девахи с нархозовскими дипломами – быстро признали ее своей и с удовольствием наливали ей чашку чая. За чаем обсуждалось все – бухгалтерия, что твоя инквизиция, – и Зинаида вошла в узкий круг людей, знавших о закулисных буднях института гораздо больше, чем положено по должности.

Между тем, удачно обустроивалась и личная жизнь. Напротив института располагался «почтовый ящик» – работавшее на «оборонку» исследовательское учреждение закрытого типа, вход в которое, томясь от бездействия, охраняли дюжие молодые ребята в милицейской форме. С одним из них

– рослым, голубоглазым, с пшеничным чубом, непослушно выбивавшимся из-под фуражки, – у Зинаиды как-то сразу все сложилось. Очень кстати пришлось, что он давно жил в общежитии, но был уже близко на очереди на жилье, причем семейный статус существенно ускорял его получение. В общем, Зинаида второй раз оказалась замужем.

Вскоре молодожены получили квартиру и зажили вполне благополучно. Супруг, правда, не хотел детей, но Зинаиду это не огорчало – свой у нее уже был, к тому времени почти взрослый.

Так складывались судьбы Зинаиды и Ольги, почти ровесниц. У одной – от университетской скамьи до уборщицы; у другой – от вонючей тряпки-полотерки и беспросветной доли «разведенки» до белоснежного, по фигуре, крахмально-хрустящего халата и хорошего парфюма, гармонично дополнявших размеренно-благоустроенный быт и жадного до молодых утех мужа.

Нет смысла говорить, что обе женщины не любили друг друга.

4

В лаборатории текучесть кадров была невелика: с академической службы, как правило, выносят только «ногами вперед». Сотрудники работали бок о бок долгие годы, а то и десятилетия. За такое время друг о друге узнавалась вся под-

ноготная, и прежде всего – слабые стороны и уязвимые места. Знание таких подробностей срывало с людей флер значительности и напускной важности, а потому, сплетничая друг с другом и перемывая косточки коллегам, сотрудники величали «третью сторону» предельно просто: по имени. Даже великовозрастного завлабораторией, несмотря на профессорское звание и авторитет, называли либо кратким и емким «шеф», либо не более чем инициалами – Б.Б. Но было два человека, которые даже «за глаза» неизменно удостаивались полного имени-отчества: Геннадий Семенович и Николай Антонович.

Надо признать, было за что: какие бы сиюминутные выгоды и бонусы это ни сулило, они никогда не подличали и не опускались до откровенно практичной неправды. Много позднее один из них натолкнулся на арабскую пословицу: «Если нельзя говорить правду, не аплодируй лжи». Они и не аплодировали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.